

Под полупрозрачной вуалью князь Чжао недовольно поморщился.

Мало того что перед ним стоял мужчина, так еще и сомнительное прошлое выходца из веселого дома... Любая благородная семья в лучшем случае согласилась бы держать такое создание на правах неофициальной жены. О законном, честном браке не могло быть и речи.

— Посланник, должно быть, шутит, раз так отчаянно пытается его защитить? — с легким смешком поинтересовался князь Чжао.

Сюэ Бэйван скользнул по нему ледяным взглядом, в котором читалась неприкрытая угроза:

— Повторяю последний раз: убери клинок.

За время их недолгого общения князь Чжао успел понять: Сюэ Бэйван — сумасшедший пес. Тот без колебаний убивал людей прямо у него на глазах, а изувеченные тела посланников, отправленных на переговоры, преспокойно вешал перед воротами поместья князя Чжао. Идти напролом и доводить дело до взаимного уничтожения сейчас не имело смысла.

Князь Чжао коротким жестом приказал страже опустить оружие.

— Посланник так пылок в своих чувствах... Но не боитесь ли вы, что в конечном счете ваша преданность окажется напрасной и вас просто используют?

— Мое дело, — отрезал Сюэ Бэйван. — Вас это не касается.

— И все же вы — посланник, отправленный царством Чэнь ради нашего союза. Если ваши мысли заняты исключительно любовными интригами, чего тогда стоит наш договор? — Князь Чжао покачал головой. — Вы раз за разом испытываете мое терпение, а я лишь закрываю на это глаза.

До сих пор он сдерживал гнев только потому, что помнил о статусе Сюэ Бэйвана — седьмого принца Чэнь. Но бесконечные уступки грозили превратить их союз в фарс.

Но даже напоминание о государственном союзе не заставило Сюэ Бэйвана отступить ни на шаг.

— Хотите решить все здесь и сейчас, обнажив оружие? — сухо спросил он.

Глубоко вздохнув, князь Чжао подавил подступившую ярость.

— Нам незачем доводить дело до крайностей. Если этот человек больше никогда не сможет

говорить, мы забудем о сегодняшнем недоразумении.

— Князь Чжао желает лишить меня языка? — тихо подал голос Бай Чэнцзюэ.

Сюэ Бэйван помрачнел. Он был готов драться насмерть. Заметив эту вспышку смертоносной решимости, князь Чжао предупреждающе поднял руку, и стоявший рядом телохранитель тут же извлек из-за пазухи небольшой фарфоровый флакон, передав его господину.

— Пусть ваш спутник выпьет это, и мы разойдемся миром.

— Мой человек уйдет отсюда невредимым... — нахмурился Сюэ Бэйван.

— Я выпью, — перебил его Бай Чэнцзюэ.

Бай Чэнцзюэ всегда руководствовался лишь холодной выгодой. Еще до того, как переступить этот порог, он просчитал все исходы.

«Если Сюэ Бэйван решит пожертвовать мной ради своей шкуры, я убью и его, и людей князя Чжао. Достаточно пустить в ход ту секретную записку — и князю вовек не отмыться от обвинений в расправе над членом императорской семьи Чэнь. Затем я прикажу Сяо Муцзы разыграть комедию с моим мнимым спасением и гибелью. Он доставит весть в Чэнь, и учитывая высокое положение Сюэ Бэйвана, жизнь князя Чжао превратится в сущий ад».

Но все обернулось иначе. Сюэ Бэйван защищал его до последнего вздоха, готовый умереть, но не выдать. Бай Чэнцзюэ знал, что теперь точно выберется отсюда целым и невредимым.

И все же... словно какое-то наваждение овладело его разумом.

— Цзюэюй, иди ко мне. Я сам со всем разберусь, — глухо произнес Сюэ Бэйван.

Он не смел сделать и шага, боясь, что напуганные стражники нанесут непоправимый удар. Его слова о готовности пойти на взаимное уничтожение были искренними, но сейчас для него не было ничего важнее безопасности Бай Чэнцзюэ. Даже жизни всех присутствующих в этой комнате не стоили и волоска с головы юноши.

— Ты и так сделал для меня слишком много, — тихо ответил Бай Чэнцзюэ.

По знаку князя Чжао один из слуг поднес флакон к Бай Чэнцзюэ. Стоило Сюэ Бэйвану сделать движение, чтобы помешать этому, как охранники крепче сжали рукояти мечей. Одно неверное движение — и лезвие мгновенно перерезало бы пленнику горло.

Бай Чэнцзюэ взял прохладный сосуд, скользнул мимолетным взглядом по лицу Сюэ Бэйвана и, резко запрокинув голову, одним глотком осушил его до дна.

Почти сразу горло обожгло нестерпимым жаром. Бай Чэнцзюэ судорожно обхватил шею руками. Казалось, тысячи невидимых насекомых вгрызаются в плоть у самого корня языка, разрывая ее на части.

Сознание стремительно угасало, но сквозь пелену боли он почувствовал, как на его одежду брызнуло что-то теплое и липкое. Раздались крики, свист стали — Сюэ Бэйван, обезумев от ярости, пустил в ход меч. В следующую секунду сильные руки подхватили падающего Бай Чэнцзюэ и крепко прижали к груди.

— Посланник! Что это значит?! — грозно выкрикнул князь Чжао, глядя на распростертые тела стражников.

Сюэ Бэйван прижимал к себе обмякшего Бай Чэнцзюэ.

— Они заслужили смерть, — процедил он сквозь зубы.

«Тот, кто посмел приставить клинок к твоей шее, должен был умереть. И тот, кто протянул тебе этот яд — тоже».

Князь Чжао сжал кулаки. Он яростно взглянул из-под вуали.

— Ты действительно думаешь, что статус седьмого принца Чэнь дает тебе право творить все, что вздумается?!

— Не забывайте, что сегодня вы сами тайно явились в мою обитель, — ледяным тоном ответил Сюэ Бэйван. — Если бы мы встретились в другом месте, а Цзюэюй выследил нас, вы могли бы поступать с ним как вам угодно. Но вы ворвались ко мне без приглашения, устроив здесь бойню. То, что я позволяю вам уйти отсюда живым — величайшая уступка с моей стороны. И запомните, князь Чжао: если из-за этого яда с моей будущей супругой что-то случится, я лично лишу вас жизни.

Встретившись с этим безумным, полным жажды крови взглядом, князь Чжао невольно отступил на полшага.

Сюэ Бэйван прошел мимо него, едва не задев плечом.

— Вон, — выплюнул он короткое слово и стремительно направился вглубь покоев, бережно неся Бай Чэнцзюэ на руках.

Раздирающая боль в горле лишала сил. Теряя сознание, Бай Чэнцзюэ лишь крепче вцепился пальцами в воротник его одеяния.

Он ведь мог не пить этот яд. Мог предоставить Сюэ Бэйвану самому расхлебывать кашу, пускай даже тот разорвал бы все связи со своими союзниками — Бай Чэнцзюэ это никак не касалось. Ему, привыкшему во всем искать выгоду, следовало просто притвориться слабым и беззащитным, укрывшись под крылом своего заступника.

А если бы со временем эта фигура на доске потеряла ценность — без сожалений отбросить ее.

Но в итоге он, всегда расчетливый и холодный прагматик, сам выбрал путь, который принес ему лишь вред.

— Я приведу лекаря... Все будет хорошо, слышишь? Ты обязательно поправишься, — панически шептал Сюэ Бэйван, дрожащими пальцами оглаживая его мертвенно-бледную щеку.

Бай Чэнцзюэ шевельнул губами, пытаясь заговорить, но из горла вырвался лишь беззвучный хрип. Ему оставалось лишь слабо улыбнуться и покачать головой.

— Жди меня здесь, лежи спокойно. Я мигом... Я очень быстро вернусь, — сдерживая слезы, пообещал Сюэ Бэйван.

Он уложил его на постель и бросился к выходу. Стоило ему распахнуть дверь, как он едва не сбил с ног Е Гуя, который явился под личиной Бай Умина, чтобы передать важные вести.

Заметив крайнюю степень смятения на лице мужчины, Е Гуй преградил ему путь:

— Брат Сюэ, куда ты так спешишь?

— Цзюэюй... он не может говорить! Я должен найти лекаря... Должно же быть какое-то средство! — бессвязно бормотал тот.

Е Гуй мгновенно помрачнел.

— Что произошло? — глухо спросил он.

— Его отравили. Он потерял голос.

Е Гуй с трудом подавил вспышку ярости, готовый сорваться на Сюэ Бэйвана, но вовремя взял себя в руки и сжал кулаки.

— Возвращайся к нему, — велел он. — А лекаря я найду сам.

Когда Бай Чэнцзюэ снова пришел в себя, невыносимая боль в горле ничуть не утихла.

Он с трудом повернул голову. Силуэт человека, сидевшего у края постели, расплывался перед глазами, но казался смутно знакомым. Бай Чэнцзюэ попытался позвать Сюэ Бэйвана, однако он лишь беззвучно шевельнул губами.

И тут он вспомнил все. Вспомнил, как собственноручно осушил флакон с ядом.

Суждено ли ему когда-нибудь снова обрести голос?

— Хозяин, вы хоть понимаете, что натворили?! — раздался резкий, встревоженный шепот Е Гуя.

Услышав этот голос, Бай Чэнцзюэ недовольно поморщился. Он беззвучно зашевелил губами, складывая их в слова:

— У меня все под контролем.

— Хозяин, ответьте честно, — Е Гуй понизил голос, вглядываясь в его лицо. — Вы действительно влюбились в Сюэ Бэйвана?

Бай Чэнцзюэ замолчал, глядя прямо ему в глаза. Лишенный возможности говорить, он упрямо, слог за слогом, беззвучно артикулировал:

— Я сам со всем разберусь. Уходи.

— Хорошо, — процедил Е Гуй. — Но думали ли вы о том, что можете остаться немым до конца своих дней?

Бай Чэнцзюэ крепко сжал одеяло пальцами, однако по-прежнему едва заметно и безмятежно улыбался.

— Тогда я буду писать, — беззвучно ответил он.